

Т.А. ГРИДИНА, Н.И. КОНОВАЛОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.6

КРЕАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ КЛАСТЕРИЗАЦИИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

Аннотация: В статье рассматриваются возможности применения метода кластерного анализа для диагностики и развития лингвокреативных способностей в области текстопорождения. Предлагается модифицированный (адаптированный к поставленным задачам) вариант традиционной процедуры кластеризации. Анализируются стратегии созданных в экспериментальных условиях текстов. Устанавливается корреляция между основаниями классификации стимульного вербального материала и его текстовой актуализацией. Охарактеризованы стратегии рациональной и иррациональной классификации и стратегии создания текстов с учетом их жанрово-стилевой ориентации. Анализируются тексты, созданные путем «соединения несоединимого» (по принципу *ad absurdum*), тексты с использованием принципа аллюзивной стилизации; тексты-«трансформеры» (использующие конкретный литературный прототип); тексты, обыгрывающие стереотипы обыденного сознания, в частности в области представлений об образе жизни и привычках разных этносов).

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, кластерный анализ, речевая диагностика, стратегии текстопорождения, лингвокреативное мышление, языковая игра.

Кластерный анализ – один из психолингвистических методов, в основе которого лежит процедура классификации материала на произвольном основании. Данный метод верифицирует гипотезу Дж. Миллера относительно того, что в самой процедуре классификации материала (в том числе вербального) проявляются «внутренние семантические связи этого материала» [Левонтьев 2003], релевантные (актуальные) для сознания конкретных носителей языка. Методика проведения этого эксперимента предполагает предъявление испытуемым «случайного» набора

слов, который должен быть систематизирован по усмотрению каждого конкретного участника эксперимента с соблюдением следующего алгоритма: на первом этапе классификации слова объединяются попарно, затем формируются кластеры из двух пар (объединяемых на каком-то общем основании), затем составляются кластеры из 8 слов (4 пары предварительно выделенных «объединений») и т.д., пока все выделенные кластеры не будут сведены к одному обобщающему признаку. В результате каждым респондентом выстраивается собственное «дерево кластеризации» (с совпадающими и не совпадающими классификационными сегментами). На завершающем этапе испытуемым предлагается дать названия наиболее крупным из полученных кластеров и обозначить в целом их совокупность (через отнесение к какой-то обобщающей категории). Данная операция позволяет диагностировать сформированность вербально-логического мышления респондентов. При назывании кластеров выявляются либо существенные для отнесения к какой-то категории признаки классифицируемых слов, либо образно-ситуативные связи, функциональные признаки, отражающие эмпирический опыт говорящего (см. подробнее: [Коновалова 2015: 80-81]).

Однако полученные в ходе такого эксперимента кластеры могут быть рассмотрены и в свете изучения аспектов креативности конкретной языковой личности, в частности проявляемых при классификации способностей респондентов к установлению отдаленных ассоциаций, выделению разнообразных оснований для объединения слов (ср. критерии оригинальности и гибкости как составляющие лингвокреативного мышления) – (см. об этом: Гридина 2014: 14-75]. Кроме того, интерес представляет и установление корреляций между отраженными в сознании говорящих ассоциативными связями слов и их текстовой актуализацией. Для выявления такой корреляции испытуемым предлагалось создать небольшой текст (любого жанра и стиля), в котором были бы представлены все слова экспериментальной выборки. Такое «дополнение» к классической схеме проведения процедуры кластерного анализа значительно расширяет возможности использования данного экспериментального метода в

практике обучения текстопорождению с учетом индивидуальных стратегий «сборки» и «перекомпоновки» первично систематизированного материала.

Проиллюстрируем сказанное с использованием данных эксперимента по методу кластерного анализа с «выходом» в текстовую проекцию. Эксперимент проводился со студентами-бакалаврами Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации», обучающимися по специальности «Русский язык и литература».

Испытуемым был предложен следующий набор стимульных слов для классификации по описанной выше схеме:

блин, гипотеза, издалека, канделябр, карбонара, карнавал, картофель, качество, ковёр, кот, кофе, лист, лошадь, машина, нож, оциллококцидум, первый, перчатка, пирожок, позвоночник, сильный, телефон, хомяк, хороший, экзамен, яблоко.

Рассмотрим стратегии кластеризации (использованные респондентами при классификации стимульного материала) в соотношении с произведенными на их основе текстами (написанными теми же респондентами).

Один из способов классификации представлен стратегией *ad absurdum*, когда предложенные слова (по объяснению самих участников эксперимента) сближаются без поиска какого-либо рационального (смыслового) обоснования устанавливаемой связи (или намеренного соединения того, что по логике соединить невозможно): ср., например, кластеры *позвоночник – карнавал, машина – оциллококцидум, канделябр – картофель* и т.п. При попытке объяснить основание для такого объединения респонденты чаще всего прибегают к актуализации потенциальной ситуативной связи явлений, предметов (даже случайной): *оциллококцидум лежал в бардачке машины, болел позвоночник после веселья на карнавале, канделябр упал на картошку (?)*. Более крупные кластеры на основе таких первичных «сближений» слов могут быть сведены к общему знаменателю типа: «Всякая всячина», «События» (по принципу «В этой маленькой корзинке есть помада и духи»). Такая стратегия проявляет специфику обработки информации, которая соединяет в себе рациональные и иррациональные «мотивы» ее упорядочения в сознании.

Особый случай представляет собой *преднамеренная* классификация стимульного материала по принципу парадоксального сближения, изначально принимающая характер некой «языковой игры». В нашем экспериментальном материале представлен яркий случай корреляции данной стратегии классификации и созданного на ее основе стихотворного текста в жанре сонета. В структуре текста жирным шрифтом выделены слова, включенные респондентом в соответствующий кластер по принципу их смысловой несовместимости (качество – гипотеза – издалека – оциллококцидум; машина – лист – карбонара – хомяк; перчатка – лошадь – телефон – ковер) или видовой разнородности (картофель – блин – яблоко – кофе) и т.п. В тексте же все эти «связки» получают мотивированное употребление, будучи привязанными к ситуации самого процесса написания стихотворения по заданному набору слов. Это своеобразная саморефлексия респондента над тем, как «рождаются» стихи, стремление зафиксировать процесс облечения мысли в слово). Одной из «педалируемых» автором стихотворения идей становится объединяющая сила ассоциаций в осознании связей между явлениями. Немаловажным экстралингвистическим фактором выбора такой стратегии оказывается для респондента сама ситуация нахождения на практическом занятии по психолингвистике и включенность в экспериментальную ситуацию.

Сонет по психолингвистике

Сонет по психолингвистике – вот он, готов!

На девяносто девять состоит из нужных слов.

Слов разных («качество», «гипотеза», «издалека») в избытке,
Не обошлось и без **оциллококцидума**.

«**Блин**» – слово **первое** во второй строфе.

В строфе и «**яблоко**», и «**пирожок**», и «**кофе**» –

Короче, полноценный обед.

Ну а венчает строфу «**картофель**».

«**Машина**», «**лист**», «**карбонара**», «**хомяк**» и «**нож**» –

Перечислений ряд у меня **хорош**.

От перечислений мой **кот** удивленно замер:

«Перчатка», «лошадь», «телефон», «ковер», «экзамен» ...

Вчера с котом в ассоциации играл:

«Позвоночник» – «сильный» – «свечка» – «карнавал» ...

(Максим Зырянов)

Интерес представляет и второй вариант текстовой актуализации составленного кластера, выполненный тем же респондентом в манере стилизации созданного стихотворения под В.В. Маяковского. Здесь те же стимульные слова частично остаются в «прежних» связках, частично подвергаются перегруппировке в связи с новым ситуативным вектором – *экзамен*. Отправной точкой становится аллюзия на стихотворение «Флейта-позвоночник», обусловленная наличием в исходном списке слова *позвоночник* (сказывается филологическое образование респондента). При этом в тексте обыгрывается типовая пресуппозиция – подготовка к экзамену как механическая зубрежка, отчаянное стремление студента выучить все «за одну ночь», сопутствующий этой ситуации нервный стресс, «заедаемый» тем, что есть холодильник, непредсказуемый «исход» экзамена (это своего рода *текстовые* кластеры). См. приведенный ниже текст и выделенные фрагменты его кластерной организации:

Экзамен

Учите гипотезы и кофе пейте.

Перед экзаменом не забудется ночь никем.

Это **круче***, чем Маяковский с игрой на флейте –

На собственном **позвоночнике** ...

За ночь весь холодильник выел:

Картошка, яблоко, пирожок, блины...

Жаль, что только сегодня **впервые**

Я учебник открыл.

* Надо было бы использовать словоформу *лучше* (сравнительную степень от *хороший*), но она не вписывалась в стилистику стиха, поэтому взял синоним *круче*.

Сейчас сижу вот, зубрю, как **машина**.
На **листах** – будто иероглифы **издалека**.
Пошёл за **оциллококцинумом**,
А в рукав не лезет в **перчатке** рука.

На экзамене я буду как **лошадь сильным**
Иль плаксивым, будто потерял **котана**,
А может, и безукоризненно милым:
Не мужчина, а **хомяк** в штанах.

Завтра с **телефона** закажу **карбонар**,
На **ковер** спихну **нож, канделябр**, посуду,
Выпью. И суетного дня **карнавал**
Качественно забуду.

Весьма популярны и продуктивны стратегии кластеризации по принципу тематической однородности, ситуативной (метонимической смежности), родо- и видо-видовых отношений между словами, синонимической и антонимической связи, грамматической (в частности синтагматической) связи между единицами одного кластера).

Кластеризация задает своеобразный «предтекст» для сюжетостроения, прогнозируя употребление слова в соответствующих типовых ситуациях и синтагматических связях. Такая стратегия в известной степени определяет «стереотипизированный» путь текстопорождения. Однако, как известно, грамматическая правильность высказывания еще не гарантирует ее осмысленности, что может служить способом создания намеренного парадокса при порождении текста. Таков креативный ход, использованный студенткой (участницей эксперимента) для создания фантастического (в стиле абсурдистской символики) сюжета о лошади. Ср. текстовые синтагмы *качественная машина, приехали издалека, жилось хорошо, выдвинула гипотезу, сильная лошадь, провалить экзамен* и т.п. Вместе с тем текст создан по принципу «ассоциативной провокации» (термин наш. – Т.Г.), так как объектом повествования является *лошадь*. Типовая син-

тагматика, соотносимая с ситуациями поведения человека, характеризует поведение и мысли животного.

Про лошадь

Жила-была *лошадь*. Однажды хозяева захотели продать ее, чтобы купить *качественную машину*, а лошадь этого не хотела. Ей и так жилось *хорошо*.

На следующий день приехали *издалека* люди, которые собирались покупать лошадь и начали устраивать ей всякие *экзамены*. Лошадь выдвинула *гипотезу*, что если эти экзамены провалить, то никто ее покупать не станет.

Повели ее в поле, стали проверять, *сильная* лошадь или нет. Сказали ей поле под *картошку* вспахать. Она ни в какую, у нее *позвоночник* болит. Отметили новые хозяева в своем *листе*, что лошадь *первый* экзамен провалила.

Вечером лошадь позвонила своим друзьям *кошке* и *хомяку* по *телефону*, чтобы попросить помощи. А они в то время веселились на *карнавале* и трубку не взяли. Вот такие у лошади друзья!

На другой день попросили у лошади яблоню потрясти, чтобы *яблоки* собрать и *пирожки* с ними испечь, а лошадь притворилась, что не понимает человеческого языка и ничего делать не стала. Опять лошадь провалила экзамен – молодец!

На третий день с карнавала приехали друзья лошади и привезли ей *кофе*, а она на них обиделась и притворилась *ковром*. Те не растерялись и пошли пить с хозяевами лошади чай с *блинами*.

Наконец хозяева решили дать лошади отдых и пошли готовить *карбонару*. Но лошадь времени зря не теряла и проваливала экзамены и в день отдыха. Она подсыпала хозяевам в *карбонару* *оциллококцидум*. Те на нее обиделись.

Тогда лошадь поняла, что отношения со старыми хозяевами испорчены (да и зачем ей вообще хозяева), и ушла лошадь гулять, прихватив с собой *канделябр*, *нож* и *перчатку*. Вы спросите зачем? Лошадь и сама не знает.

(Дарья Караульных)

Финальная фраза демонстрирует принцип объединения слов

по принципу «ни к чему не подходит» (не поддается подведению под общую смысловую категорию). Сюжет мог бы развиваться и дальше – в направлении использования лошадей захваченных ею с собой, казалось бы, ненужных предметов. Но автор текста находит более соответствующий замыслу финал, подчеркивающий шутливую тональность рассказа, в котором все – условность. Стратегия текстопорождения определяет перегруппировку первично выделенных кластеров в опоре на типовую синтагматику и стоящие за ней ситуативные пресуппозиции. Даже метафорическая употребленная синтагма *прикинуться ковром* ассоциативно отсылает к экспрессивному выражению *прикинуться илангом*.

Еще одной креативной стратегией порождения текста на базе созданного кластера является актуализация выделенных связей между словами в опоре на прецедентный сюжет, представленный в осовремененном виде. Таким своеобразным текстом-трансформером является «Другая сказка о Золушке», созданная респондентом на заключительном этапе выполняемой экспериментальной процедуры:

Существует другая сказка «Золушка».

*Перед тем, как поехать на бал, Золушка попросила **кота и хомяка перебрать яблоки и отделить их от картофеля**. Затем вычистить **ковер** и приготовить на обед любимой **мачехе карбонару с листом зеленого салата, порубленного ножом с золотой ручкой**.*

*Сама же она вытила чашечку хорошего **кофе с блинами и красной икрой**, приняла **оциллококцидум** для профилактики и вызвала себе по **телефону не лошадь, а иностранную машину отличного качества**. Она **сильно стянула позвоночник корсетом, взяла перчатки** и отправилась на **первый** свой экзамен по **бальным танцам**. Это был **карнавал с большим залом с канделябрами**. Никто не знает, правда это или выдумка. **Гипотеза так и не подтвердилась** (Елена Мусиенко)*

Отдельного комментария заслуживает стратегия сохранения кластерного членения материала при создании текста. В данном случае речь идет о принципе объединения полученных кластеров идеей принадлежности номинаций называемых реалий к

той или иной национальной культуре (характерным обычаям, свойственным жителям разных стран)¹. Приведем стихотворение, созданное респондентом по набору предложенных для классификации слов:

В Белоруссии любят блины и картошку,
В Египте на листах папируса пишут о кошках,
В Венгрии канделябры и сапожки,
На Украине сало, борщ, пирожки,
В Бразилии готовятся все к карнавалу,
В Италии в перчатках пекут карбонару,
В Англии гипотезы все выдвигают,
В Германии качественные машины
И ножи сильные точат мужчины,
Где-то позвоночник люди ломают,
Где-то о коврах, телефонах мечтают,
Котов любят хомяков сильней,
В России много яблок и лошадей,
Во Франции оциллококцидум и кофе есть,
И это, впрочем, хорошая весть!
Издаю я на все это смотрю
(стереотипами мыслить люблю),
Пока по географии первый экзамен сдаю.
(Эльвира Хабибьянова)

Последняя строчка заставляет переосмыслить заданный ряд отождествлений в неожиданном ситуативном ключе, при этом фраза о «мыслении стереотипами» как нельзя более точно (хотя и в форме шутливой самоиронии) характеризует процедуру кластеризации, в основе которой отчетливо проявляются ассоциативные стереотипы речемыслительной деятельности.

Заключая эскизный анализ текстов, полученных от респон-

¹ По словам респондента (студентки, создавшей анализируемый стихотворный текст) такая идея объединения разнородных слов пришла ей в голову еще на этапе кластеризации (и она последовательно реализовала ее при выделении и укрупнении кластеров).

дентов на завершающем этапе процедуры кластеризации, отметим продуктивность предложенной психолингвистической технологии не только для диагностики, но и для стимуляции и тренинга лингвокреативных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

Баскакова И.Л., Глухов В.П. Практикум по психолингвистике. – М.: АСТ; Астрель, 2009. – 219 с.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – 344с.

Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности: учебное пособие. – Екатеринбург, 2015. – 121 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 2003. – 287 с.

Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. -2-е изд. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. -2-е изд. – Екатеринбург, 2012. – 378 с.

Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – 344 с.

Норман Б.Ю. Между языком и текстом (потенциальная грамматика) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2012. – С. 5-18.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики. – Минск, БГУ, 2011. – 131 с.

©Гридина Т.А., 2015

©Коновалова Н.И., 2015